

Каченовский Дмитрий Иванович

**Курс международного права,
профессора Каченовского**

Часть 1. Книга 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Иванович К.**
Курс международного права, профессора Каченовского: Часть 1. Книга 2 /
Каченовский Дмитрий Иванович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 223 с.

ISBN 978-5-519-88729-8

ISBN 978-5-519-88729-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Она дополнена и помѣщена вновь въ его *Historical and philosophical essays*, Lond. 1865). Чтобы объяснить происхожденіе международнаго союза и взвѣсить результаты, добытые для гражданственности путемъ внѣшнихъ сношеній, требовались болѣе обширныя изысканія. Только глубокий знатокъ всемірной исторіи могъ съ успѣхомъ прослѣдить вліяніе разныхъ силъ, которыя способствовали или противодѣйствовали сближенію человѣчества. Немногіе юристы нашего времени владѣли нужными въ тому свѣдѣніями и средствами. Одинъ изъ нѣмецкихъ ученыхъ Мюллеръ-Юхмусъ началъ было подобный трудъ (*Geschichte de Völkerrechts*, Leipz. 1848), но съ изданіемъ первой книги остановился. Несравненно выше по мысли и богаче по содержанію сочиненіе Лорана, профессора въ Гентѣ, выходящее съ 1850 г. подъ заглавіемъ: *Histoire du droit des gens et des relations internationales*. Оно уже близко къ окончанію. Первые три тома обнимаютъ древность; въ четвертомъ авторъ говоритъ о значеніи христіанства; три слѣдующіе посвящены среднимъ вѣкамъ; два—реформациі и религіознымъ войнамъ; остальные два—внѣшней политикѣ XVII и XVIII столѣтій; послѣдній томъ (о международномъ вліяніи французской революціи), вѣроятно, выйдетъ въ нынѣшнемъ году. Задачу свою Лоранъ понимаетъ, какъ видно изъ предисловія, очень широко. Кромѣ фактовъ о войнахъ и мирѣ, колонизаціи и торговлѣ, у него собрано множество свѣдѣній, относящихся къ исторіи гражданственности въ обширномъ смыслѣ этого слова. Обозрѣвая ходъ внѣшнихъ сношеній, онъ не ограничивается вопросами юриспруденціи и политики, но слѣдитъ за умственнымъ движеніемъ народовъ, за внутреннимъ, невидимымъ вліяніемъ ихъ другъ на друга посредствомъ идей, вѣрованій и учреждений, а потому излагаетъ религію, философію и литературу разныхъ эпохъ. Коротче сказать,

всѣ усилія Лорана направлены къ раскрытію причинъ смягченія правовъ и общественнаго прогресса. Этою мыслью проникнуто сочиненіе какъ въ цѣлости, такъ и въ отдѣльных частяхъ.

Основные взгляды Лорана на всемірную исторію можно выразить немногими словами. Исторіи, говоритъ онъ, имѣетъ свои законы, какъ разумъ, какъ физическая природа. При всемъ разнообразіи видимаго міра, мы находимъ въ немъ высшее единство или гармонію. Человѣчество въ своемъ преемственномъ и совмѣстномъ развитіи подчинено тому-же началу. Всѣ народы составляютъ одну великую семью; каждый изъ нихъ, смотря по характеру, имѣетъ свое призваніе, но не можетъ навсегда отрѣшиться отъ естественной связи съ другими. Народы уединяются и враждуютъ между собою подъ вліяніемъ невѣжества, предразсудковъ и случайныхъ недоразумѣній. Этотъ страхъ, по мѣрѣ умственнаго развитія, проходитъ и замѣняется взаимнымъ довѣріемъ. Общественные инстинкты, вѣщшія обстоятельства и матеріальныя потребности неотразимо влекутъ человѣчество къ сближенію и доброму согласію. Уже теперь необходимость прочнаго мира признана просвѣщенными государствами. Когда народности сформируются въ другихъ частяхъ свѣта, начало солидарности получитъ практическую силу для всей земли. Народы вступятъ въ вѣчный, неразрывный союзъ и замѣнятъ войну мирнымъ соревнованіемъ.

Находя въ такомъ союзѣ конечную цѣль общежитія, Лоранъ старается доказать фактами, что элементы вражды въ отношеніяхъ народовъ постепенно сглаживаются, а элементы добраго согласія усиливаются, и возводитъ свое убѣжденіе въ законъ исторіи. Только первобытныя общества, говоритъ онъ, ведутъ замкнутую жизнь. Заними слѣдуютъ воплщенные расы: онѣ противоудѣствуютъ уеди-

ненію, создають обширныя имперіи и знакомятъ между собою людей насильственно. Потомъ геній запада связываетъ міръ торговлею (финикіяне), просвѣщеніемъ (греки) и законодательствомъ (римляне). Римское владычество готовитъ народы къ принятію общей религіи. Исполнивъ это назначеніе, древность, подкопанная рабствомъ, гибнетъ. Міръ обновляется христіанскою вѣрою и варварами. Въ средніе вѣка уже вся западная Европа подчинена одному Богу, одному папѣ и одному императору. Хотя это религіозное единство въ свою очередь рушится въ-слѣдствіе реформаціи, но изъ феодальныхъ обществъ происходятъ самостоятельныя государства и образуютъ политическую систему. За-тѣмъ философія XVIII столѣтія ведетъ Европу къ новому политическому и соціальному перевороту. Конечнымъ результатомъ его, какъ думаетъ Лоранъ, будетъ освобожденіе и примиреніе народностей.

Прогрессивное движеніе къ миру обнаруживается, по мнѣнію Лорана, не только въ политической жизни человѣчества, но и въ исторіи ви́шнихъ сношеній. Древность не знала другихъ связей между народами, кромѣ насильственныхъ: на иностранца смотрѣли тогда какъ на варвара; непріятелю грозили рабствомъ. Христіанство противопоставило невольничеству чело́вколюбіе и признало брата или ближняго въ иноплеменникѣ. Равенство между людьми, освященное этою религіею, неизбежно ведетъ къ равноправію народовъ. Съ конца XV столѣтія быстро усиливается мореплаваніе и принимаетъ большіе размѣры ви́шняя торговля. Океанъ перестаетъ быть преградою для людей и соединяетъ всѣ части земли. — Съ особенною силою законъ солидарности дѣйствуетъ въ духовной или умственной жизни человѣчества. Доказательствомъ тому служатъ религіи. Въ ея развитіи, какъ думаетъ Лоранъ, можно на-

блюдают постепенное движеніе отъ фетишизма и многобожія къ единобожію, отъ страха и поклоненія передъ сверхъестественными силами къ любви и милосердію, отъ національных вѣрованій къ общечеловѣческимъ. Признавая братство между всѣми людьми, Евангеліе положило самую вѣрную основу союзу народовъ. Философія шла всею дорогою къ той-же высокой цѣли. Ея представители трудились надъ открытіемъ началъ общественной правды и требовали примѣненія ихъ къ жизни во имя человѣческаго разума. На поэтовъ Лоранъ также смотритъ какъ на друзей человѣчества и пророковъ будущаго. Еще въ древности ихъ голосъ возвышался въ пользу мира и любви; въ новыя времена они поддерживали своими пѣснями вѣру въ святой союзъ народовъ.

Сочиненіе Лорана нашло не только читателей, но и просвѣщенныхъ цѣнителей въ Европѣ. Съ особенною благосклонностью встрѣтила критика первые томы исторіи (см. рецензію Моли въ *Kritische Zeitschrift*, XXIV, 313—31). Всѣ согласились, что она далеко превосходитъ прежніе труды въ этомъ родѣ; никто не отвергалъ, что бельгійскій профессоръ владѣетъ большимъ талантомъ, энергіею и громадными знаніями. Къ сожалѣнію, Лоранъ не поставилъ себѣ твердыхъ границъ и скоро увлекся богословскими спорами. Высказанныя имъ антикатолическія идеи навлекли на него вражду духовенства и подали поводъ къ ожесточенной полемикѣ. Черезъ это первоначальная задача сочиненія была вытѣснена и потемнена. Лоранъ, кажется, самъ чувствовалъ, что онъ отклонился отъ предмета, потому что далъ четвертому тому исторіи новое названіе: *Études sur l'histoire de l'humanité* (см. предисловіе къ нему). Борьба съ клерикальною партіею отразилась и на слѣдующихъ томахъ (особенно на V, VIII и IX). Они носятъ на себѣ явные слѣды раз-

драженія и усталости, наполнены лишними эпизодами и стоятъ рѣшительно ниже первыхъ. Авторъ какъ-будто ослабѣлъ, лишился умственной свободы и часто повторяетъ самъ себя. Можно порадоваться, что въ X и XI томахъ замѣтно болѣе свѣтлое настроеніе. Оканчивая свой трудъ, Лоранъ возвращается къ исторіи международныхъ сношеній съ тѣмъ возвышеннымъ спокойствіемъ, котораго требуетъ свойство предмета.

Изъ возраженій, сдѣланныхъ Лорану критиками, нѣкоторыя очень серьезны. Во-первыхъ, замѣчено справедливо, что общій взглядъ его на исторію страдаетъ фатализмомъ. Это направленіе всегда ведетъ къ натяжкамъ и препятствуетъ вѣрно обсуживать причины и послѣдствія фактовъ. У Лорана событія не имѣютъ другой цѣли кромѣ приготовленія человѣчества къ миру. Онъ слишкомъ подчиняетъ прошедшую жизнь своему далекому идеалу, не вѣрнѣе въ возможность временныхъ отъ него уклоненій и забываетъ, что народы могутъ достигнуть неразрывнаго союза не иначе, какъ путемъ самостоятельнаго развитія и свободныхъ соглашеній. Можно подумать даже, что добровольныя связи государствъ Лоранъ признаетъ менѣе прочными, чѣмъ связи вынужденныя или насильственныя. Онъ говоритъ, напримѣръ, что обычаи, наблюдаемые во внѣшнихъ сношеніяхъ, не имѣютъ большой цѣны и не заслуживаютъ разработки (предисл. къ первому тому, стр. VIII). Но, спрашивается, можетъ ли обойдти ихъ молчаніемъ тотъ, кто пишетъ исторію международного права? Изъ обычаевъ вырабатываются вѣковыми опытомъ въ войнѣ, торговлѣ и дипломатіи твердыя, положительныя правила. Теперь понятно, почему въ сочиненіи Лорана замѣтны большіе пробѣлы. По своему содержанію, оно носитъ на себѣ скорѣ историко-философскій, чѣмъ юридическій или политическій харак-

теръ. Мы находимъ въ немъ множество подробностей о внутреннихъ законахъ, объ устройствѣ государства и церкви и пр., но не находимъ именно того, что насъ наиболѣе интересуетъ. Напр., въ четвертомъ томѣ Лоранъ беретъ на себя критику евангельской нравственности и даже увлекается мечтами о новой религіи, а между тѣмъ мало говоритъ о вліяніи христіанства на вѣщныя сношенія. Средніе вѣка изложены у него слабо и далеко не обняты со всѣхъ сторонъ. Богословское направленіе здѣсь рѣшительно преобладаетъ; международные вопросы поставлены на второмъ планѣ; о посольствахъ упомянуто вскользь; о развитіи торговли и дипломатіи не сообщено никакихъ свѣдѣній. Еще бѣднѣе политическимъ содержаніемъ VIII и IX томы сочиненія: они посвящены исключительно церковнымъ дѣламъ. До какой степени полемика съ клерикалами отняла время у Лорана и поглотила его вниманіе, видно изъ новаго изданія первыхъ томовъ (1861). Они напечатаны почти безъ перемѣнъ, хотя съ 1850 г. по древней исторіи собраны богатые матеріалы и предприняты глубокія изслѣдованія. Понятія о международномъ правѣ, высказанныя авторомъ въ предисловіи къ этому изданію, также нельзя назвать вѣрными и глубокими.

Разбирая сочиненіе Лорана по частямъ, историки, публицисты и богословы нашли въ немъ другія, менѣе важныя, ошибки и упущенія. Какъ бы то ни было, заслуги этого писателя велики; отрицать ихъ можетъ только недобросовѣстная критика. Въ цѣлости его твореніе грандіозно и по мысли, и по отдѣлкѣ. Нѣкоторые томы исторіи представляютъ вѣрную и живую картину международныхъ кризисовъ и переворотовъ. Вообще изысканія Лорана сильно подвинули науку впередъ. Много значитъ уже то, что онъ совладалъ съ громадною массою матеріаловъ и освѣтилъ темный предметъ,

передъ которымъ отступали его предшественники. Чтобы судить справедливо о подобныхъ трудахъ, нужно знать, какъ дорого они стоить. Лоранъ отдалъ своему сочиненію всю жизнь, всѣ силы и служилъ истинѣ безкорыстно, героически, съ самоотверженіемъ. Люди этого закала достойны искренняго сочувствія и рѣдки въ нашъ практическій вѣкъ. Они не рождаются тамъ, гдѣ наука пустила слабые корни въ обществѣ. Обнять и вмѣстить въ себѣ всемірную исторію удавалось не многимъ въ такой степени, какъ Лорану. Если у него встрѣчаются недостатки, увлеченія и пробѣлы, они неизбежны. «Я никакъ не думаю, скромно говорить оцѣ, что я написалъ сочиненіе, вполне соответствующее величію предмета. Мой трудъ содержитъ рядъ изслѣдованій, да немного свѣдѣній, добытыхъ на пользу любимой мысли. Если люди поймутъ изъ представленныхъ мною фактовъ, догматовъ и разсужденій, что судьба готовить ихъ къ миру, мое честолюбіе будетъ съ избыткомъ удовлетворено». Кажется, съ этой стороны Лоранъ вполне достигъ цѣли и можетъ смѣло утѣшаться своимъ успѣхомъ. Основныя его идеи о солидарности человѣчества входятъ въ общее сознаніе. Съ открытіемъ желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ и пароходства, соединеніе жителей земли неразрывными узами не есть уже пустая мечта. Прежде оно подготовлялось, быть можетъ, помпомъ воли государствъ; теперь ему служатъ силы самой природы. Когда и какими именно способами устроится прочный миръ между народами, сказать трудно, но едвали есть поводы сомнѣваться, что развитіе гражданственности должно завершиться общечеловѣческимъ союзомъ. Иначе гражданственность есть привилегія немногихъ избранныхъ и самая идея прогресса лишена всемірнаго значенія.

Въ настоящемъ курсѣ мы не можемъ дать исторіи междунаро-

наго союза тѣхъ колоссальныхъ размѣровъ, въ какихъ она построена Лораномъ. Слѣдить за историко-философскими изысканіями этого писателя значило бы выйти изъ границъ предмета въ чуждыя области. Намъ кажется даже, что не всѣ собранные имъ матеріалы имѣютъ прямое отношеніе къ юриспруденціи и внѣшней политикѣ. Исторія права, конечно, не можетъ быть понята безъ исторіи общества, но отсюда еще не слѣдуетъ, что всѣ явленія общественной жизни имѣютъ юридическій характеръ. Для насъ всего важнѣе и любопытнѣе узнать, какимъ образомъ устроились *добровольныя и постоянныя связи между народами*. На этотъ капитальный вопросъ, въ сожалѣнію, вовсе не даютъ отвѣта ни руководства, ни учебники. Они или молчатъ, или говорятъ вскользь о происхожденіи великаго общества, которое мы называемъ международнымъ союзомъ, и о первоначальныхъ, коренныхъ основахъ дѣйствующаго въ немъ права. Отсюда происходитъ въ наукѣ чувствительный пробѣлъ. Начала и учрежденія, добытыя опытомъ просвѣщеннаго человѣчества, вошедшія въ его плоть и кровь, если ихъ оторвать отъ исторической почвы, кажутся темными и безжизненными; отдѣльные трактаты и обычаи также не имѣютъ смысла безъ успенія тѣхъ обстоятельствъ, которыми они вызваны. Вотъ почему мы обратимъ вниманіе на причины и событія, подъ вліяніемъ которыхъ внѣшнія сношенія государствъ были одпообразно устроены и приведены въ порядокъ. Долгимъ путемъ тяжелыхъ кризисовъ народы достигли до нѣкотораго сознанія своей политической солидарности. Развитію этого сознанія не мало помогало сходство учреждений; еще сильнѣе, какъ мы увидимъ, дѣйствовала на международный союзъ религія. Итакъ, задача, которая предстоитъ намъ, все еще кажется довольно сложною. Чтобы по воз-

возможности упростить ее, мы будем довольствоваться, при оцѣнкѣ устройства и внутреннихъ законовъ, результатами исторической науки, не выходя безъ нужды изъ области внѣшней политики. Къ этой области относятся прямо и непосредственно вопросы о войнѣ и мирѣ, о посольствахъ, о положеніи иностранцевъ, о заграничной торговлѣ и колонизаціи. Они не только имѣютъ юридическій характеръ, но издавна рѣшаются международными соглашениями и обычаями, при чемъ требованія всемірной гражданственности постепенно берутъ верхъ надъ произволомъ и эгоизмомъ государствъ. Главное мѣсто въ этомъ отдѣлѣ занимаетъ исторія международного союза въ Европѣ и Америкѣ. Но для полноты обозрѣнія, намъ казалось нужнымъ дать понятіе объ отношеніяхъ христіанскаго міра къ иновѣрнымъ племенамъ, населяющимъ Азію и Африку. Изъ нихъ мусульмане, китайцы и негры особенно многочисленны и наиболѣе сдѣлались доступными. Связь съ ними недавно закрѣплена трактатами и, по всей вѣроятности, будетъ упрочена навсегда. Что касается до номадовъ и дикарей, еще отчужденныхъ отъ міра или не составляющихъ твердаго общества, намъ интересно знать по-крайней-мѣрѣ, возможны ли съ ними мирныя сношенія, есть ли у нихъ какіе-нибудь обычаи, благопріятные для внѣшней торговли и всемірно-гражданскаго оборота.

Не перечисляя напередъ всѣхъ монографій, которыми мы пользовались (онѣ будутъ указаны на своемъ мѣстѣ, при отдѣльныхъ §§), замѣтимъ вообще, что учрежденія, упущенныя изъ виду или оставленныя въ тѣни Лораномъ, разрабатываются съ успѣхомъ специалистами. Хотя почти каждый изъ нихъ преувеличиваетъ значеніе своей спеціальности, но зато раскрываетъ глубже какую-нибудь сторону предмета. Особенный интересъ въ наше время воз-

будила исторія всемірної торгівли. Объ ней писали: Лафори (1848), Шереръ (1850), Боккардо, Торелли (1858), Энгельманнъ (1859), Адольфъ Бсеръ (1862—66) и др. Жаль только, что эти сочиненія не полны. Мы находимъ въ нихъ свѣдѣнія о коммерческихъ дорогахъ, складочныхъ мѣстахъ, ярмаркахъ и товарахъ, но не находимъ новыхъ изслѣдованій о торговыхъ трактатахъ, обычаяхъ и учрежденіяхъ. Еще больше вышло въ послѣдніе годы (1850—66) книгъ, брошюръ и журнальныхъ статей объ отношеніяхъ европейцевъ къ иновѣрнымъ и полудикимъ племенамъ. Литература этого предмета такъ богата, что ее трудно обозрѣть и привести къ единству. Сравнительное народовѣдѣніе поглощаетъ теперь вниманіе какъ историковъ, такъ и натуралистовъ; на глазахъ нынѣшняго поколѣнія строятся новыя науки—антропологія и этнологія, которыя близко касаются общественныхъ и международныхъ вопросовъ.

§ 11. ПРИЧИНЫ СЛАБОГО РАЗВИТІЯ МЕЖДУНАРОДНЫХЪ СВЯЗЕЙ ВЪ ДРЕВНОСТИ.

Международный союзъ есть произведеніе новоевропейской гражданственности. Древній міръ не зналъ этой высшей формы общежитія. Вся дѣятельность человека была сосредоточена тогда въ отечествѣ; внѣ отечества свободныя связи возникали рѣдко и поддерживались слабо; каждый народъ чуждался сосѣдей и видѣлъ въ нихъ своихъ естественныхъ враговъ; государства почти не чувствовали потребности сблизиться и защищать соединенными силами общіе интересы. Такъ протекали тысячелѣтія. Спрашивается—чѣмъ объяснить этотъ продолжительный застой